

1 место

[ФЕТ Виктор, Хантингтон \(США\). "Иди туда"](#)

ИДИ ТУДА

Иди туда, где тонет свет,
где рифм набор из детских лет,
где букв слежавшиеся глыбы
и слов щербатые ряды
встают беззвучные, как рыбы

среди темнеющей воды,
и что-то ползает на дне.

Там дышит в многослойном сне
многоголосица прилива,
а жизни мелкая вода
прозрачна и нетерпелива;
там все твои: иди туда.

Но путь вперёд в песке сокрыт,
как блеск пиратского дублона –
так наша память говорит.
Она к природе благосклонна,
но любит ложные итоги
и возвращается в места,
где некогда бывали боги,
а нынче правит пустота.

В пределах нашего холста
все нарисовано красиво,
отображает перспектива
всю иллюзорность глубины;
кому же мы в итоге скажем
идти туда, где за пейзажем –
побелка каменной стены?

А впрочем, червь подводный точит
свой мягкий камень известняк,
и может быть, судьба захочет,
чтоб всё закончилось не так,
и станет виден текст подводный,
иного типа мир природный
за царством нашей пустоты,
иные рамы и холсты.
И книг несметные завалы
в библиотечных сундуках
откроют грани небывалы
в ещё не найденных веках.

2 место

[АКИМОВ Геннадий, Курск \(Россия\). "Вавилонская дорога"](#)

БЕГЛЕЦ

Офис, обломки, расколотые мониторы,
Размытый стремительный силуэт.
Он сидел здесь. Работал. Вёл какие-то переговоры.
И вот его нет.
У этих тихонь вечно проблемы со зрением,
В душе зреет что-то опасное, как ядовитый газ.
Когда такой человек становится бешеным зверем,
Все говорят: мы не думали, что он ненавидит нас.
Он перегрыз канаты и цепи, перекусил браслеты,
Заговорил все пули и пистолеты,
Разгромил свою клетку, выбежал в мир наудачу,
Не жалею – он бормотал – не зову, не плачу.
Луноходы стреляли, менты свистели,
Он послал всех нахрен, исчез - и баста!
Что ему Гекуба, в самом-то деле -
Он умел превращаться в сову и в барса,
Путал следы не хуже матёрого лиса,
Объявлялся то в Мексике, то в Сингапуре,
Был своим в борделях Зурбагана и Лисса ,
Получал всё новые шрамы на шкуре.
У него струна от банджо вместо удавки,
В склянке на поясе – обезьянья похоть,
А глаза ненасытны, как две пиявки:
Вцепятся, высосут - не успеешь охнуть.
Глупая, ты его ждёшь, думаешь, он вернётся,
Только этим мечтам никогда не сбыться:
Он вчера был с тобой, а сегодня летит на Солнце...
Видишь – горят мосты от Невы до Стикса!

...за чертой, где уже не действуют никакие приметы,
он плывёт вниз лицом по накатанным водам Леты -
растерял по дороге все свои амулеты,
арбалеты и стрелы, денежные котлеты,
упованья на то, что вывезет, мол, кривая...
а вода его пощипывает, раздевает,
постепенно смывает одежду, волосы, кожу,
он плывёт, на радужное пятно похожий,
растворяется, тает, освобождает место...

только таким и бывает настоящее бегство.

3 место

[СМИРЯГИНА-ДМИТРИЕВА Клавдия, С-Петербург \(Россия\). "Про котов, тараканов и сны"](#)

Про кота

Детей у них не было, видимо, Бог не дал,
а может, не больно хотели, хотя сначала
она колыбельку частенько во сне качала.
Потом перестала. Устала. Прошли года.

Он стал ей и мужем, и сыном, но вышел срок,
и он не проснулся обычным осенним утром.
Она на поминках не плакала почему-то.
Друзей проводила, защёлкнув дверной замок.

Отчётливо зная, что утром к нему уйдёт,
легла на кровать, примостившись привычно с края.
И вспомнила вдруг, окончательно засыпая,
что завтра голодным останется рыжий кот.

С тех пор миновало двенадцать протяжных лет.
И кот вечерами на кухне мурлыкал звонко.
Когда схоронила кота, принесла котёнка.
Зовёт его мальчиком. Гладит.
И в сердце – свет.

4 место

[ФЕТ Виктор, Хантингтон \(США\). "Иди туда"](#)

НОСИТЕЛИ

Я гляжу из-под очков
в сочетания значков.
Слабый след эпохи вьюжной,
бред опасный, толк ненужный,
трёп о том или о сём,
груды дел и сны дневные
на носители иные,
не спросясь, перенесём.

Кто откроет файлы эти –
правнуки или прадеды,
или некий новый вид,
что земные наши звуки
через призрачные штуки,
сохранив, переменит?
Или тот потомок томный,

многоатомно-фантомный,
святоту свою храня,
игнорирует меня?

Где пою и где пирую
в брызгах древних языков,
мокрых водорослей сбрую
отведу с морских коньков.
В колеснице Амфитриты
совершая свой объезд,
знаю карту этих мест,
где сокровища укрыты,
где существ прозрачных друзья
в мелких лужицах лежат,
и нестрашные медузы
скользкой лавою дрожат,
а на камушках приливных,
исчезающих в воде,
виден след событий дивных,
не записанных нигде.

5 место

[СПАРБЕР Александр , Москва \(Россия\) . "Другая жизнь"](#)

Уитмен

...И ребенок спросил: что такое трава?
взрослый или младенец, жива иль мертва?
Я ответил ему: я спешу, мы спешим,
наши души – в приборных панелях машин,
а тела наши жить успевают едва –
ну откуда мне знать, что такое трава?

...Говорят, что однажды, не знаю, когда –
разозлится на город большая вода,
и появятся женщины цвета воды,
на асфальте ночном оставляя следы,
и тогда – молодые, в годах, старики –
мы войдём в ледяные объятья реки.

По следам, по следам, выбиваясь из сил,
погружаясь до бёдер в коричневый ил,
будем молча брести много дней, много лет,
до тех пор, пока снова не выйдем на свет –

в том краю, где ни войн, ни болезней, ни ран,
в том краю, где впадает река - в океан.

и когда мы туда доползём, добредём –
то мы станем водой, и мы станем дождём,
превратимся в траву, но сперва, но сперва
наконец-то поймём, что такое трава.

6 место

[КРАСНОВ-НЕМАРСКИЙ Дмитрий, Санкт-Петербург \(Россия\). "Пустынные тени"](#)

НЕ ЛОЖИСЬ

Не ложись к ней в постель, никогда не ложись, никогда,
даже если метель за окном и в груди холода,

даже если один и конца одиночеству нет,
сам себе господин – сам себе неизвестный поэт,

не ложись к ней в постель, никогда-никогда не ложись –
это больше, чем цель, на которую тратится жизнь,

это больше, чем жизнь, при которой немыслима смерть:
никогда не ложись и не думай такое посметь,

никогда, никогда, потому что не надо, нельзя,
и не чувствуй стыда, уползая, на брюхе скользя

по неровным полам, по стене, потолку – всё равно,
пусть уже пополам разрывает желание, но

не ложись к ней в постель, как занюханный поц, не мельчи,
даже если модель отношений иного не чтит,

даже если нагой, тебе некуда деться в ночи,
к ней в постель – ни ногой, ни рукой, упирайся, кричи,

потому что нельзя, потому что не нужно тебе,
эта всячина вся, эта женщина с богом в ребре

не твоя параллель, не твоя, не твоя благодать,
не ложись к ней в постель, я ведь знаю, ты ляжешь опять.

7 место

[ШИРИМОВА Елена, Одинцово \(Россия\). "Надмосковье"](#)

НАДМОСКОВЬЕ

Мой орёл, на верхний ярус
Ты зазнобу заберёшь-ка?
Просто я в Москве теряюсь,
Как в примерочной серёжка.

Я по ней гуляю, словно
В "детском мире" в полной мере:
Бесшабашенки Лужкова,
Пирамидки Церетели...

Мне милей твоё гнездовье:
Палка, полка, плитка, койка.
Надо-надо-Надмосковье,
Недо-недо-недостройка.

Закачу большую стирку,
Положу на хлеб аджики,
Тут фасады под копирку
Тиражируют таджики.

Тут грязища по колени,
А ремонт - уже привычка.
Тут родится поколение:
Надмосквич и надмосквичка.

"Будут скверы, школы, реки" -
Всё чиновницкие речи.
Нам - потеть по ипотеке,
Им - жиреть в Замоскворечье.

Нет по-прежнему отбоя
От желающих вселиться...
Надо-надо-Надмосковье.
Недожизнь. Недостолица.

8 место

[КРАСНОВ-НЕМАРСКИЙ Дмитрий, Санкт-Петербург \(Россия\). "Пустынные тени"](#)

ПЕСОЧНИЦА

*"Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал,
Или чернику в лесу,
Что никогда не сбирал."*

□□□□□□□□□□□□□□ *Осип Мандельштам*

Не тень цветущего каштана –
побеги от скрещённых спичек.
Вот этот низенький куличик
пусть будет холмик Мандельштама.

Какая, в сущности, умора
произносить: никто не вечен.
Пиковой маковкой увенчан
свод жестяного мухомора.

Песок рассыпчатый, неловкий,
чуть намочить его из лейки.
На разноцветные скамейки
садутся божие коровки.

От песнопений карусели
до колокольного разлива.
И скорбь воистину красива,
чиста, как детское веселье.

*

Ещё немного и песчаным ливнем
накроет Рим, последний, третий Рим,
и мы с тобой об этом говорим,
а надо бы о чём-нибудь наивном.

Допустим, о бессмертии вселенной,
но мы упрямо говорим о не-
избежности: об атомной войне,
о том, что все умрут и мы – со всеми.

А надо бы о чём-нибудь попроще:
об ангелах на маковке сосны...
Украсили рождественские сны
освоенную в бункере жилплощадь.

Уже ничто не будет повторимо,
уже никто не будет повторим,
и мы с тобой о Риме говорим,
но Рима нет, не будет больше Рима.

*

Я тоже умею играть на трубе,
за правое дело погибнуть в борьбе.
Во поле широком врага настигая,
умею прославить себя, дорогая.

Камнями шугая дворовых собак,
и в церковь умею ходить, и в кабак,
и, даже камнями собак не шугая,
умею туда же ходить, дорогая.

И холод, и голод, и каторжный труд
за краткое время любого согнут.
Ничто не кляня, никого не ругая,
умею согнуться и я, дорогая.

Умею в тебя не войти, но упасть,
с лихвой ублажая животную страсть,
кончаясь, потея, слюной истекая –
всё это умею, моя дорогая.

Умею убиться, остаться живым,
умею считаться навеки твоим,
и бисер метать, и нести ахиною,
но делать счастливой тебя не умею.

*

«Не убоится верности предавший» –
ввернёшь и замолчишь на пару дней,
обдумываешь реплику: чем дальше
уходишь в речь, тем паузы длинней.

«Не убоится пастыря заблудший» –
и тишина, хоть колоколом бей,
величественна поза, лик: чем глубже
суждения, тем выглядишь глупей.

«Не убоится вечности убивший» –
молчание, по-гамлетовски тих,
взволнован как ребёнок, но чем ближе
тебе слова, тем непонятней стих.

9 место

[МАРКИН Александр, Москва \(Россия\). "Прибалтийские зарисовки"](#)

Падежи

Поднимает шхуна якоря,
якоря и те – из янтаря,
и заря над бледным фонарём
заливает небо янтарём.
В корабельный колокол ударь –
зазвучит над палубой янтарь,
колоколу медному под стать –
чтобы вспомнить и не забывать.
Я тебе марину подарю –
солнечным лучом по янтарю,
по сосновым иглам, по коре,
и инклюз глагола в янтаре.

10 место

[РЕМИЗОВА ИРИНА, Кишинев \(Молдова\). "Розы дольные"](#)

Мурчатай

Вечер, час, должно быть, пятый -
время сбилось в мягкий ком.
В доме пахнет свежей мятой
и топлёным молоком,
на латунной сковородке
подрумьянился минтай...
С колокольчиком бархотку
примеряет Мурчатай,
за окошком полетуху
созерцая вполглазка,
многострунным острым ухом
ловит золото звучка -
будто в ближнем перелеске
в пёстрых горлышках скворцов

заиграли арабески
персиянских бубенцов.

Будут и у нас когда-то
мыши толще, щи густей.
На полу - широкопятаый
коврик радужных шерстей,
и на нём, совиным цугом,
нетопырьих выше стай,
над кузнечиковым лугом
пролетает Мурчатай...
...По крыльцу топочут боты -
из бекасовых болот
возвращается с охоты
Котофей Котятъич Котт,
Прибежали котенята
и давай когтить мешок...
Вьётся шёрстка, льётся мята,
ходит лунный гребешок.

